

Наталья Валерьевна ГОРИНА¹
Дмитрий Александрович КИРИЛЛОВ²

УДК 342.7

О РОЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПРИВЕДЕНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В СООТВЕТСТВИЕ С КОНСТИТУЦИЕЙ*

¹ кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса,
Тюменский государственный университет
natalia@meenga.ru

² кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Тюменский государственный университет
kdakda@yandex.ru

Аннотация

Для приведения религиозного пространства России в соответствие с Конституцией необходима замена терпимости в вопросах веры как принципа устройства религиозной сферы на религиозную толерантность. Среди религиозных сообществ страны важную роль в данном процессе должна сыграть Русская православная церковь (РПЦ). Изучению роли РПЦ в конституционализации религиозного пространства России внимания наукой не уделялось, чем обусловлена новизна исследования. Особая культурно-историческая и духовная роль православия для России создает предпосылки для того, чтобы РПЦ заняла ведущее место в этом процессе. Между тем ряд

* При подготовке исследования религиозным консультантом по вопросам религиозной толерантности, а также канонического и старообрядческого православия выступил о. Михаил Тимофеевич Курочкин (1952-2015).

Цитирование: Горина Н. В. О роли Русской православной церкви в приведении религиозного пространства России в соответствие с Конституцией / Н. В. Горина, Д. А. Кириллов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 3 (19). С. 109-127.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-109-127

препятствий не позволяет РПЦ это сделать. Цель данного исследования — выявление таких препятствий и предложение подходов к их преодолению.

Основой методологии исследования является диалектика, дополненная элементами ряда других подходов. Методы исследования — исторический, сравнительно-правовой и логический анализ, обобщение, опросы. В ходе исследования авторами опрошено более девятистот респондентов в шести странах, в том числе около 700 лиц, назвавшихся верующими.

Исследованием установлен пониженный уровень уважительного отношения иноверующих к РПЦ в сравнении с уровнем такового к православной вере. Для изменения ситуации РПЦ следует начать с признания исторических ошибок православия в отношении иноверующих, отказа от терпимости в вопросах веры в пользу религиозной толерантности, установления реального количества православных россиян.

Актуальность исследования обусловлена накоплением в обществе предпосылок неуважительного отношения к РПЦ. Кроме того, с принятием поддержанной Россией Резолюции ГА ООН о религиозной толерантности роль РПЦ в приведении религиозного пространства страны в соответствие с Конституцией РФ должна возрастать.

Авторы приходят к следующему выводу: обладая потенциальными признаками религиозного лидера в приведении религиозного пространства России в соответствие с Конституцией, РПЦ фактически к такой роли готова не в полной мере. Необходимо принять ряд мер для изменения ситуации.

Ключевые слова

Конституция России, православие, законодательство о свободе совести, Русская православная церковь, терпимость в вопросах веры, иноверующие, религиозная толерантность, религиозное пространство, неуважение к вере.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-109-127

Введение

Настоящая статья посвящена проведенному в 2013-2019 гг. исследованию роли Русской православной церкви (Московский Патриархат) (далее — РПЦ (МП)) в приведении религиозного пространства России в соответствие с Конституцией РФ.

Цель исследования — выяснение роли РПЦ (МП) в конституционализации религиозного пространства России; характеристика обстоятельств, создающих препятствия к тому, чтобы РПЦ (МП) заняла обусловленное особой культурно-исторической и духовной ролью православия для России место ведущего религиозного института в процессе приведения религиозного пространства России в соответствие с Конституцией страны; обоснование подходов к преодолению этих препятствий; предложение первоочередных шагов по коррекции создавшейся ситуации.

Актуальность исследования обусловлена накоплением в обществе предпосылок негативного отношения к РПЦ (МП). Данное обстоятельство во многом

не позволяет РПЦ (МП) занять место ведущего субъекта в конституционализации религиозного пространства страны. Исследование еще более актуализируется с принятием в 2018 г. Резолюции ГА ООН о религиозной толерантности, которую поддержала Россия. В связи с этим РПЦ (МП) должна играть ведущую роль среди религиозных институтов в приведении религиозного пространства страны в соответствие с Конституцией РФ.

Методы

Методика исследования традиционна для диалектической методологии, с элементами иных методологических подходов (критический рационализм, экзистенциализм, неопозитивизм и др.). К основным методам данного исследования относятся синтез, анализ, исторический, логический и сравнительно-правовой методы, обобщение, аналогия, опрос, изучение документов.

В ходе проведенного исследования были использованы научные труды таких ученых, как А. Л. Анисин, С. А. Зеньковский, В. М. Золотухин, А. В. Карпушкин, О. В. Павленко, Н. В. Потапова, Е. Г. Сеченова, ряда других исследователей. С точки зрения необходимости приведения религиозного пространства страны в соответствие с Конституцией РФ проведен анализ соотношения принципов религиозной толерантности и принципа терпимости в вопросах веры, использованы материалы проведенных авторами статьи исследований религиозной толерантности, которые были обнародованы ранее. В ходе исследования авторами опрошено более девяти сот респондентов в шести странах, в том числе около 700 лиц, назвавшихся верующими (среди которых более 50 священнослужителей), около 200 лиц, указавших на свое индифферентное отношение к религии.

Результаты

Исследованием установлен пониженный уровень уважения иноверующих к РПЦ в сравнении с отношением к каноническому православию как таковому.

Так, 51 из 84 последователей старообрядческого православия (61%) готовы в целом положительно относиться к каноническому православию как к базовому для конституционализации религиозного пространства страны вероучению России. При этом 58 человек (или 69%) указали, что не видят в РПЦ (МП) морального потенциала, который позволил бы признать ее ведущую субъектность в данном процессе. Отношение последователей ислама, неоязычества и буддизма к каноническому православию в целом также более позитивное, чем к РПЦ (МП) как к религиозному институту, олицетворяющему на территории России православие.

Для изменения ситуации РПЦ (МП) следует начать с признания и осуждения исторических ошибок православия в отношении иноверующих, выражения готовности к переходу от терпимости в вопросах веры как принципа устройства религиозного пространства страны к религиозной толерантности, отказа от приверженности считать реальными явно завышенные официальные данные о количестве православных в России (более 70 миллионов), совершения действий по установлению реального количества православных россиян, принятия иных подобных мер.

Обсуждение (описание результатов)

Предваряя описание результатов исследования, мы считаем необходимым отметить следующее. Как и результат всякого нового исследования, настоящий текст может содержать элементы субъективности, даже несмотря на наши усилия их исключить. Просим считать подобные случаи извинительными, поскольку наши намерения направлены исключительно на позитивизацию процессов в рассмотренном социальном сегменте, и мы будем особо признательны за указание на неточности и ошибки, а также проявленный к работе интерес.

Под религиозным пространством как одним из базовых понятий нашего исследования мы понимаем совокупность религиозных институтов, идей, явлений и процессов на определенной территории.

В основе каждого из множества различных религиозных подходов (религий, конфессий, верований и т. п.) лежит собственный, уникальный, отличный от других вероучений символ веры. Сутью любого символа веры является так называемая «монополия на истину, которая у каждой религии своя» [7, с. 93]. Такая монополия предопределяет ряд объективных черт религиозного пространства. Одной из них является тот факт, что элементом мироотношения «ординарного» верующего не может не являться имманентно присущее религиозным чувствам представление о канонической состоятельности только «его» вероучения. Данное представление выражается, в частности, в признании верующими правильным «своего» и некорректными иных символов веры, а неверия — ущербным, поскольку последнее вообще исключает религиозный элемент из индивидуальной картины мира.

Охарактеризованные феномены заслуживают разноаспектного внимания. С точки зрения, например, обеспечения религиозной и общественной безопасности, а также прав людей, абсолютизация верующими «своего» символа веры может по-разному проявляться в их поведении по отношению к иноверующим — от религиозных войн и террора до полного отсутствия любой агрессии. В этом аспекте для России — одной из самых мультирелигиозных стран — создание системы стабильных гарантий свободного от предпосылок агрессии религиозного пространства должно стать всеобщим ориентиром.

До декабря 2018 г. в качестве приемлемо-базового для религиозного пространства России принято было рассматривать подход, закрепленный в Законе РФ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (далее — ФЗ «О свободе совести»). Согласно преамбуле данного закона, государство считает важным достижение «взаимного понимания, терпимости и уважения» в вопросах веры. И несмотря на то, что фрагмент закона, включающий понятие «терпимость», имеет в данной части признаки несогласованности с Конституцией РФ (далее — Конституция), этот факт особого внимания исследователей до недавнего времени не привлекал [8, с. 82-83].

Между тем в декабре 2018 г. Россия поддержала Резолюцию Генассамблеи ООН «Просвещение и религиозная толерантность» (далее — Резолюция), призывающую в пункте 4а «содействовать... толерантности... во всех вопросах, касающихся свободы религии или убеждений» [19].

Из смысла и ФЗ «О свободе совести», и Резолюции следует, что оба документа нацелены на построение свободного от агрессии религиозного пространства. Однако закон в качестве базы для устройства этого пространства называет «понимание, терпимость и уважение» в вопросах веры, а Резолюция — «религиозную толерантность». Несколько слов о различиях в подходах.

Используемое в Резолюции понятие «религиозная толерантность» базируется на понимании толерантности, содержащемся в Декларации принципов толерантности от 16 ноября 1995 г. (далее — Декларация). Здесь в п. 1.1 определяется, что «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самоуважения и проявления человеческой индивидуальности» [18]. То есть основой толерантности является психологически комфортное состояние субъекта. Такие характеристики психологической комфортности, как уважение, принятие и правильное понимание многообразия особенностей, признаков, качеств и свойств других людей, сами по себе исключают возникновение предпосылок агрессивного отношения к «другим». Названные общие черты толерантности в полной мере относимы и к толерантности в религиозных отношениях.

При сравнении относящегося к религиозной толерантности текста Резолюции и Декларации с фрагментом ФЗ «О свободе совести» можно видеть между ними и сходства, и различия. Так, и текст, и фрагмент включают «понимание» и «уважение» людьми убеждений «других лиц». Однако очевидна, на наш взгляд, и непоследовательность ФЗ «О свободе совести», поскольку в предлагаемый набор принципов устройства религиозного пространства наряду с пониманием и уважением включена еще и терпимость в вопросах веры. При этом ни Резолюция, ни Декларация указания на терпимость как на составную часть или синоним толерантности не содержат.

По нашему мнению, такого указания и не может быть, поскольку «по смыслу» терпимость означает наличие в личности «терпящего» той или иной степени дискомфорта, определенной «несвободы», своего рода «самозаставления». В. М. Золотухин, к примеру, полагает, что терпимость не исключает даже неприязни лица к представителям иной группы; при этом, претерпевая определенный дискомфорт, лицо нередко считает недопустимой лишь открытую агрессию к носителям инаковости [6, с. 99-100].

Из излагаемого контекста следует тезис о том, что «дискомфортная» терпимость логически несочетаема с «психологически комфортными» пониманием субъектом объекта и уважением к нему. Учитывая же исторические корни веротерпимости в России [12, с. 27-29], потенциал положений ФЗ «О свободе совести» в части ориентирования общества на понимание иноверия и уважение к нему фактически сводится на нет. Это, в свою очередь, означает, что реально единственным из названных в ФЗ «О свободе совести» принципом устройства нынешнего религиозного пространства является терпимость в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания.

Таким образом, «религиозная толерантность» и «терпимость в вопросах веры» — две группы не только различных, но и во многом взаимоисключающих

ценностных ориентиров, которые, соответственно, Резолюция и ФЗ «О свободе совести» предлагают для устройства религиозного пространства.

Положение о терпимости в вопросах веры, несмотря на его сомнительность с точки зрения Конституции [8, с. 82-83], более 20 лет транслировалось государством в общество. В результате оно было воспринято как обществом в целом, там и религиозными институтами. Это дает основание говорить, что в основу устройства религиозного пространства страны сегодня положен принцип терпимости в вопросах веры, который противоречит Конституции.

Поддержка Россией Резолюции, а также соответствие ценностей религиозной толерантности положениям Конституции дают основание к тому, чтобы в качестве цели определить устройство религиозного пространства страны на началах религиозной толерантности. В данном смысле постепенный переход от устоявшихся в обществе идей «терпимости в вопросах веры» к «религиозной толерантности» следует рассматривать как процесс приведения религиозного пространства России в соответствие с Конституцией.

Важный вклад в этот процесс должны, наряду с государством, внести религиозные сообщества, в том числе наиболее крупные из них, которые прямо поименованы в Законе «О свободе совести» и образуют «духовную основу российской цивилизации» [2, с. 69]. К их числу, если исходить из содержания преамбулы закона, следует, во всяком случае, отнести православие, ислам, буддизм и иудаизм.

Согласно преамбуле ФЗ «О свободе совести», православию принадлежит особая роль в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры. Кроме того, если исходить из официальных данных ВЦИОМ [15], из религиозных сообществ России православие является самым крупным. Указанные факторы создают, на наш взгляд, предпосылки к формулированию тезиса о том, что в процессе приведения религиозного пространства России в соответствие с Конституцией (конституционализации религиозного пространства) роль православия должна быть ведущей.

Сегодня православие в России представлено «мировым» (каноническим), старообрядческим и неканоническим (альтернативным) направлениями. Наиболее массовое — каноническое православие (ортодоксия). Его основной религиозный институт — автокефальная поместная Русская православная церковь (Московский Патриархат) [1]. Для РПЦ (МП) Россия является канонической территорией. Помимо РПЦ (МП) на территории России имеется относительно незначительное присутствие других канонических православных церквей. Такое положение вещей прямо указывает на ведущую роль РПЦ (МП) в плане «опосредования» православия в религиозном пространстве России. В связи с этим РПЦ (МП) в нашей статье и уделяется особое внимание.

Реализацию ведущей роли православия для конституционализации религиозного пространства страны РПЦ (МП), по нашему мнению, представляется необходимым осуществлять по нескольким направлениям. По меньшей мере РПЦ МП следует быть последовательной в уважительном отношении к иным

религиозным убеждениям; транслировать образцы религиозной толерантности своим адептам; исключить поведенческие акты, которые могли бы причинить ущерб толерантному отношению к православию со стороны последователей других религиозных подходов.

Основываясь на результатах проведенных нами исследований, можно сделать общий вывод, что сегодня РПЦ (МП) не в полной мере отвечает указанному минимуму требований. Это не позволяет данному институту реализовать функциональность ведущего субъекта в процессе приведения религиозного пространства России в соответствие с Конституцией. Можно выделить ряд причин существующего положения вещей.

Начать следует, на наш взгляд, с исторического экскурса. Однако прежде оговорим, что для целей настоящей статьи религиозный институт, который представлял сначала ортодоксальное, а после «Никонианского раскола» 1650-1660 гг. каноническое православие в России до 29 июля 1927 г. (Российская православная церковь, Православная церковь России, Святейший синод и т. п.), далее в тексте будет именоваться Русской православной церковью (РПЦ). В 1927 г. из РПЦ организационно выделилась Русская православная церковь за границей (РПЦЗ), а в 1943 г. была организационно оформлена РПЦ (МП).

В истории российского православия имело место множество фактов дискриминации иноверующих. Роль РПЦ в соответствующих событиях была, по меньшей мере, либо неблагоприятной, либо сомнительной. Тем самым были созданы объективные предпосылки для недружественного отношения со стороны иноверующих не только к РПЦ и каноническому православию, но и к православию в целом.

Приведем несколько примеров.

Так, до настоящего времени не прекращаются споры о жестоких методах и последствиях принудительной христианизации Древней Руси. В ряд пагубных для репутации РПЦ событий совершенно уместно поместить содержащийся в Соборном уложении 1649 г. и полностью поддержанный церковью дискриминационный подход к последователям ислама. Особое место в череде «сомнительных» с точки зрения роли РПЦ событий занимает и «Никонианский раскол», а также его последствия в виде продолжавшейся более двух веков дискриминации «раскольников».

В качестве типичного для демонстрации неблагоприятной роли РПЦ по отношению к иноверующим разберем подробно одно из недобросовестных деяний церкви, относимое к периоду «Никонианского раскола», и рассмотрим актуальные последствия данного деяния.

В ходе нашего исследования мы установили, что, по мнению исследователей старообрядчества, а также значительной части его «просвещенных» последователей, сильнейший удар по репутации РПЦ и каноническому православию в целом был нанесен фактом фальсификации исторического документа, организованной по инициативе руководства РПЦ. Текст поддельного документа содержал обоснование канонической ущербности веры «раскольников» и необхо-

димости реформ Никона. «Подделка», именованная «Соборное деяние Киевское на арменина еретика Мартина», была изготовлена лишь в начале XVIII в. Между тем в 1718 г. «подделка» была обнаружена как якобы письменный религиозный памятник 1157-1160 гг. Уже через несколько месяцев после появления сфальсифицированного документа подлог был выявлен и безусловно разоблачен. Так, например, в тексте, датированном якобы XII в., страну несколько раз именовали Россией, что противоречит элементарной логике, поскольку название «Россия» появилось не ранее XIV в. [14].

Принимая во внимание сфальсифицированный РПЦ текст, как и ряд других подобных действий, начиная с 20-х гг. XVIII в. для критически мыслящих людей стало очевидным, что никакого логико-содержательного основания ни для внесения изменений в православный символ веры, ни для внедрения в православие «нового обряда», ни для реформ Никона и церковного раскола 1650-1660 гг. в целом на самом деле не было. В силу чего уже в начале XVIII в. стали очевидными как бессмысленность многочисленных человеческих жертв и других негативных последствий раскола, так и прямая причастность к этому РПЦ. Кроме того, для глубоко верующих людей привлекательность старообрядчества с морально-религиозной точки зрения не могла не возрасти.

Между тем дискриминационное положение «раскольников», включая их поражение в правах, продолжалось по меньшей мере до принятия царского Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» [12, с. 26]. Одной из причин столь длительной дискриминации было, в частности, и то, что несмотря на очевидную обоснованность реформ Никона, официальные институты «канонического православия» данного обстоятельства долгое время не признавали, а РПЦ (МП) явным образом не признает и до сих пор.

Отдельного внимания, безусловно, заслуживает официальная оценка «никонианской» реформы в документе «Покаяние перед старообрядцами Архиерейского собора РПЦЗ» (далее — «Покаяние РПЦЗ»). Произошло это лишь в 2000 г. В частности, «зарубежная часть» русского православного духовенства выразила глубокие сожаления «о тех жестокостях, которые были причинены приверженцам Старого обряда, о тех преследованиях со стороны гражданских властей, которые вдохновлялись и некоторыми из наших предшественников в иерархии Русской Церкви...» [11]. Со стороны РПЦ (МП) ничего подобного в адрес старообрядцев до сих пор не совершено.

В 2013-2018 гг. в 12 регионах России были опрошены 84 последователя трех крупных согласий старообрядчества — Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ), Русской древлеправославной церкви (РДЦ) и Древлеправославной поморской церкви (ДПЦ). 51 из 84 опрошенных (61%) готовы в целом положительно относиться и к «никонианству» (каноническому православию) как ведущему в переходе религиозного пространства России к религиозной толерантности вероучению. При этом 58 человек (или 69%) указали, что не видят в РПЦ (МП) морально-религиозного потенциала, который позво-

лил бы признать ее ведущую роль в названном процессе. Вместе с тем 49 из 84 опрошенных (58,3%) указали, что подобным потенциалом могла бы обладать РПЦЗ, не начни в 2007 г. ее объединение с РПЦ (МП). Также интерес представляет то обстоятельство, что более 80% опрошенных старообрядцев (73 чел. из 84) указали, что «положительно» или «скорее положительно» относятся к «Покаянию РПЦЗ».

То есть очевиден гораздо более высокий уровень уважения старообрядцев к каноническому православию, чем к РПЦ (МП) как к религиозному институту, который, по мнению значительного большинства последователей трех крупных старообрядческих согласий, в настоящее время не может играть ведущую роль в переходе к религиозной толерантности в России. При этом отношение старообрядцев к такому «уходящему» в настоящее время институту канонического православия, как РПЦЗ, гораздо более позитивное, чем к РПЦ (МП). Тем самым, частично верифицируется тезис о том, что «Покаяние РПЦЗ», продемонстрировавшее искреннее признание ею исторических ошибок РПЦ, в целом повысило уровень уважения старообрядцев к РПЦЗ и каноническому православию.

В ходе опросов представителей старообрядчества 19 опрошенных практически «инициативно» указали на интересное обстоятельство. По их мнению, не вызывает сомнений тот факт, что в связи с «бессубъектностью» РПЦ на территории СССР в 1927-1943 гг. РПЦ (МП) получила канонически-апостольское правопреемство лишь после объединения ее с РПЦЗ в 2007-2012 гг. Другие 65 из 84 опрошенных старообрядцев определенного мнения по данному поводу высказать не смогли.

Несмотря на нерепрезентативность, достаточно показательны и результаты проведенного в июле-августе 2017 г. опроса посетителей Армянской апостольской церкви Санкт-Петербурга в возрасте «визуально» старше 35 лет. 26 из 41 опрошенного осведомлены в целом о факте существования и сомнительной природе «Соборного деяния Киевского на арменина еретика Мартина» [14]. При этом 23 опрошенных высказали к данному документу «негативное» или «скорее негативное» отношение, исключаяющее восприятие РПЦ в целом в качестве морально-религиозного лидера в переходе России к религиозной толерантности. Вместе с тем, к православию в целом у подавляющего большинства опрошенных отношение положительное.

Дополнительно отметим, что опрос 80 посетителей приходов РПЦ (МП) показал, что о документе «Соборное деяние Киевское на арменина еретика Мартина» или о соответствующей фигуре слышали лишь три человека, причем двое из этих трех никаких подробностей о сути и содержании данного документа не знают. Из более чем пятидесяти опрошенных выпускников различных духовных семинарий РПЦ (МП) разных лет о такой религиозно-исторической фигуре, как еретик Мартин-арменин, знает лишь четыре человека. Данное обстоятельство, по нашему мнению, указывает на непонимание ни православными верующими, ни квалифицированными носителями православного знания важнейшего препятствия к уважению РПЦ (МП) со стороны как минимум двух немалочисленных групп иноверующих.

Похожие различия в отношении к каноническому православию и к РПЦ (МП) обнаружены и со стороны последователей ряда иных вероучений.

Так, опросы 152 лиц, именующих себя неоязычниками, 200 лиц, именующих себя мусульманами, и 57 лиц, именующих себя буддистами, показали, что признать ведущую роль РПЦ (МП) в обеспечении религиозной толерантности в России готовы 41 неоязычник (27%), 83 мусульманина (41,5%) и 22 буддиста (38,6%). При этом признать означенную в ФЗ «О свободе совести» «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» готовы 116 неоязычников (76,3%), 147 мусульман (73,5%) и 47 буддистов (82,5%). Таким образом, отношение последователей ислама, неоязычества и буддизма к православию в целом более позитивное, чем к РПЦ (МП) как к религиозному субъекту, олицетворяющему на территории России православие. То есть положение вещей здесь в целом аналогичное тому, которое отражает соотношение оценок канонического православия и РПЦ (МП) со стороны старообрядцев и адептов армянской церкви.

Подводя итог освещению исторических препятствий для обретения РПЦ (МП) статуса ведущего религиозного института в процессе перехода религиозного пространства России к религиозной толерантности, отметим следующее. Пониженный по сравнению с собственно каноническим православием уровень уважения в среде иноверующих к РПЦ (МП) очевиден. Одна из причин этого коренится, на наш взгляд, в том, что РПЦ (МП) уклоняется от публичной оценки исторических ошибок, допущенных РПЦ и (или) при ее участии по отношению к иноверующим.

Поэтому, как представляется, важным условием для создания устойчивых предпосылок к формированию уважительного отношения со стороны иноверующих как к каноническому православию, так и православию в целом, а также для реального подтверждения РПЦ (МП) своей ведущей субъектности в процессе перехода к религиозной толерантности, РПЦ (МП) следует, по меньшей мере, взять на себя ответственность (историческую вину) за все неблагоприятные деяния православия по отношению к иноверующим, а также за последствия таких деяний.

Соответственно, одним из шагов к повышению уровня уважения к РПЦ (МП) со стороны адептов иных вероучений могло бы стать официальное заявление РПЦ (МП) об ошибках РПЦ и «православия», совершенных в прошлом по отношению к иноверующим, а также признание РПЦ (МП) этих ошибок и выражение об этом сожаления. То есть представляется уместным акт покаяния РПЦ (МП) по отношению ко всем группам иноверующих, подобный «Покаянию РПЦЗ». Такой шаг сам по себе внес бы весомый вклад в переустройство религиозного пространства страны на началах религиозной толерантности.

Оценку современного состояния РПЦ (МП) с точки зрения роли данного религиозного института в процессе конституционализации религиозного пространства России целесообразно, на наш взгляд, начать с рассмотрения ее позиции по отношению к религиозной толерантности.

Следует отметить, что в официальных источниках РПЦ (МП) как центральной структуры российского канонического православия о явно заявляемом ею

«оценочном» отношении к религиозной толерантности информации не встречается. Между тем, исходя из отсутствия со стороны РПЦ (МП) каких-либо возражений по поводу поддержки в 2018 г. Россией Резолюции, полагаем возможным считать, что позиция РПЦ (МП) в отношении религиозной толерантности не отличается от позиции России в целом. В противном случае РПЦ (МП), вероятнее всего, заявила бы об обратном.

Между тем отдельного внимания в излагаемом контексте требует одно немаловажное, на наш взгляд, обстоятельство. Так, ряд входящих в РПЦ (МП) структур выражают свое отношение не к религиозной толерантности, а к общему понятию «толерантность», то есть толерантности в светском смысле, в частности, сравнивая последнюю с терпимостью. Например, на сайте одного из многочисленных приходов РПЦ (МП) говорится: «...Внедрение в общество понятия толерантности вместо терпимости преследуют цель формирования в обществе безбожного сознания и либерального индивидуализма» [17]. Не столь радикальное, но все же далекое от позитивного отношение к «светской» толерантности в противовес терпимости можно встретить и на многих других ресурсах российского канонического православия [13].

Несмотря на распространенность сомнительной коннотации «светской» толерантности, данное обстоятельство само по себе прямо не указывает на аналогичное отношение структур РПЦ (МП) к толерантности религиозной. Вместе с тем, исходя из результатов опросов 80 посетителей приходов РПЦ (МП), нельзя исключать ситуации, когда верующие вольно или невольно переносят на религиозную толерантность исходящий от религиозных объединений негатив в отношении «общей» толерантности. Вследствие этого верующий нередко не считает допустимыми такие базовые составляющие религиозной толерантности, как позитивное понимание иноверия, а также уважение к нему и его последователям, ограничиваясь лишь терпимостью к иным религиозным подходам. При этом от терпимости к «инаковости» до агрессии по отношению к ее последователям, как уже указывалось [6, с. 99-100], зачастую гораздо ближе, чем от таких, в том числе указанных в Законе «О свободе совести» атрибутах религиозной толерантности, как уважение к последователям других религий и их понимание.

В связи с этим представляется обоснованным с точки зрения конституционных норм, чтобы РПЦ (МП) явным образом обозначила отношение именно к религиозной толерантности. Одним из первых шагов здесь могла бы стать акцентированная трансляция РПЦ (МП) в общество через «свои» информационные источники позитивного отношения к таким атрибутам религиозной толерантности, как взаимное понимание верующими вероучений друг друга, а также уважение в вопросах веры. Следующим же этапом могло бы стать информирование о признании значимости, но постепенном отказе от начал терпимости в вопросах веры с одновременным переходом к уважению, принятию и правильному пониманию богатого религиозного многообразия, а также различных форм религиозной идентификации, религиозного самоуважения и иных проявлений человеческой религиозности.

По нашему мнению, подавляющее большинство истинно верующих последователей РПЦ (МП), признавая авторитет последней, пусть не сразу, но идею о подобном переходе примут. Здесь мы основываемся на тезисе о том, что «более значимым, чем в общем случае, источником формирования мировоззрения именно верующего лица является система норм... его „микросреды“. Таковой выступает религиозная общность...» [20, с. 12].

Говоря о роли РПЦ (МП) в переходе к религиозной толерантности, важно, на наш взгляд, оценить реальное число православных верующих в России. Так, в пересчете на взрослое население, по данным ВЦИОМ 2010 г. [15], православными себя считают примерно 79 миллионов человек, а по данным признанных государством результатов научных исследований [3, с. 3], православных в России 64-67 миллионов человек. Между тем, если принимать во внимание данные, полученные в результате применения «косвенных» методик, такое количество представляются существенно завышенным.

Так, православной обрядности придерживается не более 10-12% взрослого населения России [4]. Если православными считать только воцерковленных, то таковых в России 5-7% [5]. Один из митрополитов РПЦ (МП) разделяет заявляющих о своем православии на истинно верующих, прихожан и захожан, а также считает «православие-лайт» несостоятельным [9].

Полагаем возможным согласиться с наличием разумного начала в тезисах о реальном положении вещей. Так, очевидно, что «православие-лайт» является лишь симулякром (имитацией) религиозности. Поэтому если считать православными лишь тех, кто исповедуется, причащается, регулярно ходит в храм, то «взрослых» православных в России не более 10 миллионов человек. Данная цифра включает приблизительно 3 миллиона последователей старообрядчества [16].

По нашему мнению, приведенных данных достаточно, чтобы обоснованно предполагать, что истинно верующих канонических православных на самом деле на порядок меньше, чем следует из данных ВЦИОМ.

Не будь актуальным тезис о целесообразности использования возможностей РПЦ (МП) в процессе перехода от терпимости в вопросах веры к религиозной толерантности, завышенность данных можно было бы просто проигнорировать, ограничившись замечанием о применении исследователями не вполне релевантных методик. В нашем же конкретном случае ситуация осложняется тем, что завышенные данные несколько раз брались в расчет при принятии государственных решений, приведших к нежелательным для смыслового контекста настоящей статьи последствиям.

Так, обнародование данных ВЦИОМ о том, что в России 70-80 млн взрослых верующих считают себя православными, совпало по времени с началом построения системы нормативного правового обеспечения реституции церковного имущества. Уже через несколько месяцев после обнародования данных был принят Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». При реализации закона

«на местах» помещения нередко выделялись, исходя из основанных на данных ВЦИОМ количественных потребностей верующих в помещениях. Будь число православных сравнимо с данными ВЦИОМ, проблем с реализацией закона в аспекте признания за РПЦ (МП) ведущей субъектной функциональности не возникло бы. Между тем проблемы проявились.

Главная из них предопределена тем, что число верующих православных, готовых жертвовать средства на переустройство в храмы полученных РПЦ (МП) реституированных объектов недвижимого имущества, оказалось значительно меньше «официального». Поэтому настоятели многих храмов, «возвращенных» в ведение РПЦ (МП), до сих пор вынуждены заниматься публичным сбором средств на их восстановление [10]. В ходе нашего исследования в Европейской части России проведены беседы более чем с тридцатью священниками, испытывавшими стеснение в средствах на восстановление «малолюдных» православных храмов, обобщены их мнения по ситуации в целом, а также по вопросу о том, как изменить ситуацию.

Так, «плачевное» состояние храма и нежелание жертвовать средства на его восстановление может сформировать у иноверующего предположение о неуважении каноническими православными, объединенными в России в РПЦ (МП), «своей» веры. Безусловно, это не так, поскольку истинно верующие не могут не относиться к вере с огромным уважением. Однако таковых гораздо меньше «официального» числа «номинальных» православных. И в этом, на наш взгляд, главная причина недостатка средств на восстановление.

Не являясь верующими, «номинальные» православные могут совершать и иные поведенческие акты, неуважительные к вере с точки зрения верующих. Иноверующих же, ошибочно считающих всех «официально посчитанных» в качестве православных верующими, понять можно: внешне для них ситуация выглядит таким образом, что не менее 80% «объявленных православными» проявляют неуважение к «своей» вере». Причем отнюдь не только в форме уклонения от участия в восстановлении храмов.

Из опрошенных в ходе исследования назвавшихся верующими лиц для 13,2% последователей неоязычества, 21% последователей ислама и 24,6% последователей буддизма именно неуважительное отношение большей части российских «православных» к своей вере ставит под сомнение право РПЦ (МП) быть ведущим религиозным институтом в процессе преобразования религиозного пространства России. В ходе нашего исследования также было выявлено, что и среди «воцерковленных» последователей канонического православия стал проявляться повышенный уровень недружественности по отношению к тем, кто лишь именуется православными.

Принимая во внимание очевидную завышенность «официального» числа православных в России и сопутствующие данному обстоятельству негативные последствия, учитывая мнения канонических православных священников «низового звена», представляется целесообразным, чтобы РПЦ (МП) провела своего рода религиозный мониторинг с классификацией лиц, именующих себя

православными, по уровню их религиозности и с последующей дифференциацией религиозных прав и обязанностей по отношению к церкви у представителей различных категорий таких лиц. Соответствующими категориями, например, могли бы быть истинно верующие, прихожане, светские верующие, а также «этноправославные» агностики и атеисты.

Выбор лицом права быть отнесенным к той или иной категории должен быть добровольным. Всем лицам, кроме атеистов, следует предоставлять права на изменение статуса во взаимосвязи с условиями реализации этих прав. Атеисты же могут обратиться в веру через процедуру крещения.

Представляет интерес то обстоятельство, что, по мнению опрошенных священников, в том числе ссылающихся и на мировой опыт других конфессий христианства, можно было бы в мягкой форме рекомендовать установление для верующих размера и порядка принесения пожертвований. Например, для истинно верующих видится допустимым рекомендовать процентные ставки добровольного церковного пожертвования в размере 5-10% от подлежащей уплате суммы налога на доходы с ежемесячной уплатой, что, кстати, в России было бы сравнимо с размером профсоюзного взноса. Для прихожан оправданными представлялись бы рекомендации о твердых годовых или разовых ставках пожертвований и т. п. Соответственно, объем прав у истинно верующих в отношении религиозной организации мог бы быть гораздо шире, чем у прихожан, а у последних, соответственно, шире, чем у светских православных, и уж тем более чем у атеистов.

Однако, по мнению подавляющего большинства опрошенных канонических православных священников, отдельные проявления мирового опыта, к примеру, такие как введение церковных налогов и их государственное администрирование, для России навряд ли приемлемы. В текущем контексте отдельный интерес представляет и тот факт, что подавляющим большинством опрошенных православных священников было высказано мнение о категорическом неприятии возможности уплаты компенсаций за, говоря условно, низкий уровень приобщенности плательщика к вере. С данным мнением следует, на наш взгляд, согласиться. Подобные факты практически всегда имеют верооскорбительную коннотацию, а нередко приводили даже к войнам. Показательным примером здесь может послужить связь между фактами «торговли индульгенциями» XV-XVI вв. и наступившими в XVI-XVII вв. в Европе последствиями, самым страшным из которых по числу человеческих жертв была Тридцатилетняя война [8, с. 76].

Возвращаясь к религиозному мониторингу, полагаем возможным предположить, что если подобное мероприятие будет проведено, то число канонических православных в России будет исчисляться величиной не более 10 миллионов человек. То есть, во всяком случае, это намного меньше, чем показатели ВЦИОМ. Однако с реализацией этих мер будут, в частности, устранены предпосылки к весьма пагубному для авторитета РПЦ (МП) мнению определенной части иноверующих о том, что православные в России якобы не уважают свою веру. Это, во взаимосвязи с указанием ФЗ «О свободе совести» об особой роли православия для России, явится действенным шагом к обретению

РПЦ (МП) статуса ведущего религиозного института в деле трансформации религиозного пространства.

Иными словами, религиозная классификация лиц, называющих себя при опросах православными, представляется настоятельно необходимой. И несмотря на то, что, на первый взгляд, взаимоотношения РПЦ (МП) с такими людьми, а также очевидная завышенность официального количества православных являются внутренним делом церкви, речь в данном контексте следует вести не о внутренних вопросах, а о ведущей религиозной субъектности РПЦ МП в процессе конституционализации религиозного пространства России. В частности, если РПЦ (МП) вопрос о «притворно» завышенном количестве православных в России не решит, в понимании иноверующих может окончательно сформироваться образ православия как вероучения, немалая часть последователей которого не уважает «свою» веру. С лидерской ролью РПЦ (МП) в процессе конституционализации религиозного пространства подобный образ не представляется совместимым.

Заключительная часть

На основании изложенного выше можно сформулировать следующий общий вывод. Обладая достаточными потенциальными признаками религиозного лидера в приведении религиозного пространства России в соответствие с Конституцией, РПЦ (МП) фактически к такой роли в полной мере не готова. Необходимо принять ряд неотложных мер для исправления ситуации. Если этого не сделать, то РПЦ (МП) будет испытывать все больше сложностей в плане подтверждения своего институционального соответствия той культурно-исторической и духовной роли православия для России, которая не только указана в Законе о «Свободе совести», но и не оспаривается сегодня подавляющим большинством последователей всех крупнейших религиозных вероучений, составляющих основу религиозного пространства страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автокефальные церкви // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/shemy/avtokefalnye_tserkvi.shtml (дата обращения: 12.07.2019).
2. Анисин А. Л. Криминологическая значимость религиозного фактора / А. Л. Анисин // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2. С. 63-70.
3. Беспалько В. Г. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея: дис. ... докт. юрид. наук / В. Г. Беспалько. М., 2017. 493 с.
4. Великий Пост в зеркале маркетинга и социологии // Милосердие.ru. 2007. 11 апреля. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/velikij-post-v-zerkale-marketinga-i-sociologii/> (дата обращения: 12.07.2019).
5. Зайцев А. Сколько православных в России? / А. Зайцев // Православие и мир. 2013. 8 июня. URL: <http://www.pravmir.ru/skolko-pravoslavnyx-v-rossii-2/> (дата обращения: 12.07.2019).
6. Золотухин В. М. Терпимость и толерантность: сходство и различие / В. М. Золотухин // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2003. № 2. С. 94-100.

7. Карпушкин А. В. Конституционно-правовые аспекты религиозной толерантности во взаимоотношениях государства с религиозными объединениями / А. В. Карпушкин // *Общественные науки. Политика и право*. 2008. № 4. С. 91-95.
8. Кириллов Д. А. О рассогласованности в регулировании религиозной толерантности Конституцией России и национальным законодательством о свободе совести / Д. А. Кириллов, Е. Г. Сеченова // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2019. Том 5. № 1. С. 74-91.
9. Лонгин. Прихожане, захожане и верующие / Митрополит Саратовский и Вольский Лонгин // *Православие и мир*. 2011. 23 ноября.
URL: <http://www.pravmir.ru/prixozhane-zaxozhane-i-veruyushhie/> (дата обращения: 12.07.2019).
10. Обращение настоятеля православного храма // *Храм в честь Успения Божией Матери*. URL: <http://xn----7sbbdcjhc7a9cbaeoiis6f0hc.xn--p1ai/> (дата обращения: 12.07.2019).
11. Покаяние перед старообрядцами Архиерейского собора РПЦЗ // *Во свете Библии*. URL: http://gitie.ru/old_kistine/Statii/25_Statii.html (дата обращения: 12.07.2019).
12. Потапова Н. В. Вероисповедное законодательство Российской империи в начале XX в.: «свобода совести» и «веротерпимость» / Н. В. Потапова // *История государства и права*. 2010. № 10. С. 25-32.
13. Православная церковь о толерантности: отношение, мнение и ответы на частые вопросы // *Вера*. URL: <http://molitva-info.ru/duhovnaya-zhizn/pravoslavnaya-tserkov-o-tolerantnosti.html> (дата обращения: 12.07.2019).
14. Соборное деяние Киевское на арменина еретика Мартина // RARUS'S GALLERY. URL: <http://www.raruss.ru/exotica/2265-sobornoe-deyanie.html> (дата обращения: 12.07.2019).
15. Согласно данным ВЦИОМ, православными себя считают три четверти россиян // *Православие и мир*. 2010. 1 апреля. URL: <https://www.pravmir.ru/soglasno-dannym-vciom-pravoslavnymi-sebya-schitayut-tri-chetverti-rossiyan/> (дата обращения: 12.07.2019).
16. Старообрядчество в современной России // *Русская вера*. 2016. 10 ноября.
URL: http://ruvera.ru/articles/staroobryadchestvo_rossii (дата обращения: 12.07.2019).
17. Терпимость и толерантность // *Официальный сайт Никольского храма п. Добринка Липецкой области Липецкой епархии РПЦ МП*.
URL: http://pravera.ru/index/terpimost_i_tolerantnost_otlichie_raznykh_ponjatij/0-2672 (дата обращения: 12.07.2019).
18. Declaration of Principles on Tolerance // *Resolution adopted by the UNESCO General Conference on 16 November 1995. 28th UNESCO GC session (16 Nov, Paris)*.
URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13175&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (дата обращения: 12.07.2019).
19. Enlightenment and religious tolerance // *Resolution adopted by the UN General Assembly on 12 December 2018. 73rd UN GA session (12 Dec, New York City)*.
URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/128 (дата обращения: 12.07.2019).
20. Kirillov D. Criminal law and criminological aspects of religious tolerance in Russia / D. A. Kirillov, O. V. Pavlenko // *Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava*. 2019. Vol. 6 (1). Pp. 9-17.

Natalia V. GORINA¹
Dmitry A. KIRILLOV²

UDC 342.7

**ON THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
IN BRINGING THE RELIGIOUS SPACE OF RUSSIA
IN ACCORDANCE WITH THE CONSTITUTION***

¹ Cand. Sci. (Jur.), Senior Lecturer,
Department of Civil Law and Process,
University of Tyumen
natalia@meenga.ru

² Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Civil Law and Process,
University of Tyumen
kdakda@yandex.ru

Abstract

Bringing the religious space of Russia into conformity with the Constitution requires replacing the patience in the matters of faith as a principle of the organization of the religious sphere by religious tolerance. Among the religious communities of the country, the Russian Orthodox Church (ROC) should play an important role in this process.

The study of the role of the ROC in the constitutionalization of the religious space of Russia was not of great interest to science. The special cultural, historical, and spiritual role of Orthodoxy for Russia creates the prerequisites for the leading place of the ROC in this process. Meanwhile, a number of obstacles prevents the ROC from taking this place. The purpose of the study is to identify such obstacles and propose approaches to overcome them.

* The orthodox priest Mikhail Kurochkin (1952-2015) provided religious advice on religious tolerance as well canonical and old faith Orthodoxy.

Citation: Gorina N. V., Kirillov D. A. 2019. "On the role of the Russian Orthodox Church in bringing the religious space of Russia in accordance with the Constitution". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 3 (19), pp. 109-127.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-109-127

The basis of the research methodology is the dialectic, supplemented by elements of a number of other approaches. Research methods are historical, relatively legal and logical analysis, synthesis, surveys. During the study, the authors interviewed more than nine hundred respondents in six countries, including about 700 individuals who identified themselves as persons of faith.

The study showed a reduced level of respectfulness from persons of a different faith for the ROC in comparison with their respectfulness to the Orthodox faith. To change the situation, the ROC should begin by recognizing the historical mistakes of Orthodoxy towards people of a different faith, refusing patience in matters of faith in favor of religious tolerance, and establishing the real number of observers of Orthodox faith in Russia.

The relevance of the study is due to the accumulation of prerequisites in a society of disrespect for the ROC. In addition, with the adoption of the UN GA Resolution on Religious Tolerance, supported by Russia, the role of the ROC in bringing the religious space into accordance with the Constitution of the Russian Federation should increase.

In conclusion, possessing the potential signs of a religious leader in bringing the religious space of Russia in accordance with the Constitution, the ROC is in fact not fully prepared for such a role. It is necessary to take a number of measures to change the situation.

Keywords

Russian Constitution, Orthodoxy, legislation on freedom of conscience, Russian Orthodox Church, patience in matters of faith, persons of a different faith, religious tolerance, religious space, disrespect for faith.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-109-127

REFERENCES

1. Azbuka very. "Autocephalous churches". Accessed 12 July 2019. https://azbyka.ru/shemy/avtokefalnye_tserkvi.shtml [In Russian]
2. Anisin A. L. 2014. "Criminological significance of the religious factor". *Iuridicheskaja nauka i pravookhranitelnaia praktika*, no 2, pp. 63-70. [In Russian]
3. Bepalko V. G. 2017. "The doctrine of crime and punishment in the Pentateuch of Moses". Dr. Sci. (Jur.) diss. Moscow
4. Miloserdie.ru. 2007. "Lent in the mirror of marketing and sociology". 11 April. Accessed 12 July 2019. <https://www.miloserdie.ru/article/velikij-post-v-zerkale-marketologii-i-sociologii/> [In Russian]
5. Zajtsev A. 2013. "How many Orthodox men of faith are in Russia?". *Pravoslavie i mir*, 8 June. Accessed 12 July 2019. <http://www.pravmir.ru/skolko-pravoslavnyx-v-rossii-2/> [In Russian]
6. Zolotukhin V. M. 2003. "Patience and tolerance: similarities and differences". *Vestnik of Kuzbass State Technical University*, no 2, pp. 94-100. [In Russian]
7. Karpushkin A. V. 2008. "Constitutional and legal aspects of religious tolerance in relations between the state and religious associations". *Obshchestvennye nauki. Politika i pravo*, no 4, pp. 91-95. [In Russian]

8. Kirillov D. A., Sechenova E. G. 2019. "On the mismatch in the regulation of religious tolerance by the Russian Constitution and national legislation on freedom of conscience". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 1, pp. 74-91. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-1-74-91 [In Russian]
9. Longin. 2011. "Parishioners, churchintocomers and men of faith". Pravoslavie i mir, 23 November. Accessed 12 July 2019. <http://www.pravmir.ru/prixozhane-zaxozhane-i-veruyushhie/> [In Russian]
10. Hram v chest Uspeniya Bozhiej Materi. "Appeal of the Orthodox church superior". Accessed 12 July 2019. <http://xn----7sbbdcjhc7a9cbaeoiis6f0hc.xn--p1ai/> [In Russian]
11. Potapova N. V. "Religious legislation of the Russian Empire at the beginning of the 20th century: 'freedom of conscience' and 'patience in the matters of faith'". Istorija gosudarstva i prava, no 10, pp 25-32. [In Russian]
12. Vo svete Biblii. "Repentance to the Old Orthodox men of faith of the ROCOR Bishops' Council". Accessed 12 July 2019. http://gitie.ru/old_kistine/Statii/25_Statii.html [In Russian]
13. Vera. "Orthodox Church on tolerance: attitude, opinion and answers to frequently asked questions". Accessed 12 July 2019. <http://molitva-info.ru/duhovnaya-zhizn/pravoslavna-ya-tserkov-o-tolerantnosti.html> [In Russian]
14. Rarus's Gallery. "Cathedral action of Kiev on the arsenian heretic Martin". Accessed 12 July 2019. <http://www.raruss.ru/exotica/2265-sobornoe-deyanie.html> [In Russian]
15. Pravoslavie i mir. 2010. "According to VTsIOM, three-quarters of Russians consider themselves the Orthodox men of faith". 1 April. Accessed 12 July 2019. <https://www.pravmir.ru/soglasno-dannym-vciom-pravoslavnyimi-sebya-schitayut-trichetverti-rossiyan/> [In Russian]
16. Russkaia vera. 2016. "Old Orthodoxy in contemporary Russia". 10 November. Accessed 12 July 2019. http://ruvera.ru/articles/staroobryadchestvo_rossii [In Russian]
17. Nikolskiy khram poselka Dobrinka. "Patience and tolerance". Accessed 12 July 2019. http://pravera.ru/index/terpimost_i_tolerantnost_otlichie_raznykh_ponjatij/0-2672 [In Russian]
18. UNESCO General Conference. 1995. "Declaration of Principles on Tolerance. Resolution". 28th UNESCO GC session (16 November, Paris). Accessed 12 July 2019. http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13175&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html
19. UN General Assembly. 2018. "Enlightenment and religious tolerance. Resolution". 73rd UN GA session (12 December, New York City). Accessed 12 July 2019. https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/128
20. Kirillov D. A., Pavlenko O. V. 2019. "Criminal law and criminological aspects of religious tolerance in Russia". Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava, vol. 6 (1), pp. 9-17 [In Russian]